

Светлана Мулина

География польской ссылки в Сибири в девяностые годы XVIII века

Niepodległość i Pamięć 24/4 (60), 39-58

2017

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Светлана Мулина

Омск, государственный университет им. Ф.М. Достоевского

География польской ссылки в Сибири в девяностые годы XVIII века/Geografia polskiej zsyłki na Syberię w latach 90. XVIII wieku¹

Słowa kluczowe

Powstanie kościuszkowskie, zsyłka, historia Syberii

Streszczenie

Na podstawie materiału archiwalnego oraz aktów ustawodawczych autorka systematyzuje dane na temat geografii polskich zsyłek na Syberię w ostatniej dekadzie XVIII wieku. Źródła dotyczące powstańców kościuszkowskich zachowały się w formie kopii dokumentów kancelaryjnych, duplikowanych w późniejszym okresie częściej aniżeli oryginały. Analizowane źródła zostały sporządzone z polecenia władz rosyjskich, które po ogłoszeniu dekretu amnestyjnego rozpoczęły weryfikację zesłańców znajdujących się na Syberii. Innym czynnikiem wpływającym na pojawienia się tych dokumentów mogły być komplikujące się wówczas stosunki międzynarodowe i wynikające z tego kolejne napięcia w kwestii polskiej.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, номер проекта: 16-01-00360.

Spis Polaków, więzionych w Petersburgu i innych miejscach, a także skazanych na syberyjską zsyłkę, został sporządzony w wyniku prac Komisji Smoleńskiej z 1795 roku, lecz w 1811 roku dokumentu zażądało Ministerstwo Policji. Na podstawie wspomnianego spisu można wywnioskować, iż w głąb Imperium Rosyjskiego zesłano ponad pięć tysięcy ludzi, przy czym na Syberię trafiło tylko osiemnaście osób (trzynaście znalazło się w guberni irkuckiej, a pięć w guberni tobołskiej). Dane pochodzące z tego materiału znacząco uzupełniają informacje innych źródeł archiwalnych, a w szczególności dekretu „O ukaraniu uczestników powstania polskiego” z 20 czerwca 1795 roku. W przypadku rozbieżności występujących w omawianych dokumentach, autorka proponuje opierać się na pierwszym z nich, ponieważ pojawił się on pół roku po wydarzeniach, których dotyczył i odnotowuje zmiany orzekania wyroków niektórych Polaków.

Następne dwa dokumenty zachowały się wyraźnie w wersji kopii. Zostały one sporządzone na polecenie generała-gubernatora Syberii Zachodniej przez ziemskich isprawników w 1825 roku. Tajne zlecenie, przekazane 17 sierpnia 1795 roku naczelnikowi miasta Berezówka (gubernia tobołska) dotyczyło Ignacego Działyńskiego, powstańca kościuszkowskiego, który znajdował się w tej miejscowości. Dokument ten przybliży między innymi stosowane praktyki nadzoru wobec zesłańców na Syberii. Z kolei w innym tajnym rozkazie, skierowanym do berezowskiego naczelnika 10 marca 1798 roku omówiono sprawę członków organizacji konspiracyjnej, którzy zostali aresztowani na ziemiach zabranych po trzecim zaborze i następnie zostali zesłani na Syberię. Dokument ten, wraz z ukazem „O ułaskawieniu osób, zatrzymanych w związku ze sprawami Tajnej Ekspedycji” (15 marca 1801 r.) pozwala doprecyzować problem rozmieszczenia dwudziestu siedmiu polskich zesłańców.

Imienny spis polskich jeńców, który znajdował się w Tiumeniu został sporządzony 16 sierpnia 1802 roku. Poza nazwiskami konfederatów barskich, w dokumencie znajdują się dwa nazwiska polskich zesłańców, którzy trafili na Syberię w latach dziewięćdziesiątych XVIII wieku. W dekreście z 1803 roku zarząd guberni tobołskiej postanowił zwolnić zesłańców ze służby i następnie umożliwić im powrót do kraju.

Wprowadzając w obieg naukowy omówiony materiał archiwalny można stwierdzić, że w ostatnich latach XVIII wieku na Syberię zesłano

czterdziestu pięciu Polaków. Ponadto, analizując dokumenty narracyjne w postaci wspomnień, pamiętników możemy dodać jeszcze pięciu Polaków zesłanych na Syberię. Konkludując: rozmiar polskiej zsyłki syberyjskiej w ostatnich latach XVIII wieku ograniczał się do pięćdziesięciu osób.

Волна польской ссылки, связанная с восстанием Тадеуша Костюшко и польско-российской войной 1792–1795 гг., включала в себя несколько карательных акций самодержавия и растянулась практически на все девяностые годы XVIII столетия. Кроме военнопленных, в ссылку были отправлены члены конспиративных патриотических организаций, созданных в Подолье, Волыни, Полесье и Литве. Репрессии этих лет были направлены на слом сопротивления поляков путем уничтожения их патриотически настроенных культурных элит, особенно на территориях, включенных в Россию после второго и третьего раздела².

Несмотря на устойчивое внимание современных исследователей к событиям польской истории, связанных с Т. Костюшко, изучение ссылки этого периода затрудняется недостатком источников. До настоящего времени не известно общее количество репрессированных. В воспоминаниях современников встречаются цифры, как правило, превышающие 10 тысяч человек. Но современные исследователи полагают, что, поскольку подпольное движение этого периода имело ограниченный масштаб и элитарный характер, количество арестованных не могло быть слишком высоким³.

Польские историки опираются в исследованиях, главным образом, на воспоминания современников и не используют ни

² Z.J. Wójcik, *Rosja i Rosjanie w relacjach zesłańców kościuszkowskich*, [w:] *Polacy a Rosjanie* (Materiały z konferencji „Polska–Rosja. Rola polskich powstań narodowych w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń“), Warszawa 2000, s. 37.

³ F. Nowiński, *Syberia w życiu Polaków od XVII do początków XX wieku*; Wydanie z okazji czterdziestolecia pracy naukowej, wybór studiów i redakcja Z. Opacki, Gdańsk 2016.

архивные документы, ни материалы российского законодательства. Наиболее полно им удалось изучить судьбы Юзефа Копеца и Фаустина Цецерского, а также их вклад в этнографическое описание народов Сибири и Дальнего Востока⁴. В работах российских историков сибирская ссылка поляков указанного периода освещена фрагментарно. И практически единственной попыткой обобщения накопленного материала является работа Алеся Барковского, посвященная пребыванию костюшковцев в Якутии⁵.

Цель настоящей статьи ввести в научный оборот несколько новых документов, найденных автором в российских центральных и сибирских архивах и систематизировать с их помощью данные о географии польской ссылки последнего десятилетия XVIII в.

Российским историкам польская ссылка эпохи Т. Костюшки известна в основном по документам Смоленской комиссии, вошедшей в историю российско-польских отношений как один из самых больших политических процессов конца XVIII в⁶. Документы комиссии хранятся, главным образом, в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном историческом архиве. На их основе ученые смогли составить некоторое представление о численности и социальной принадлежности ссыльных участников восстания⁷. Так на основе ведомостей и списков Смоленской комиссии Галина Васильевна Макарова утверждает, что «в результате поражения сил повстанцев

⁴ Например, см.: Z.J. Wójcik, *op. cit.*, s. 37–47; I. Pietrkiewicz, *Rękopiśmienna spuścizna Faustyna Ciecierskiego jako źródło do dziejów kultury intelektualnej dominikanów prowincji litewskiej początku XIX wieku*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia ad Bibliothecarum Scientiam Pertinentia”, XI (2013), s. 103–123.

⁵ Например, см.: А. Баркоўскі, *Восстание 1794 года или Инсurreкция Костюшки и Якутия, Койданова 2013*, [Электронный ресурс] – URL : <http://acaraj-kut.blogspot.ru/2013/12/1794-2013.html?m=0> [dostęp: 2.12.2016].

⁶ W.W. Michajlenko, *Powstanie T. Kościuszki : archiwalne dokumenty Smoleńskiego śledztwa (1794–1795)*, [w:] *Архивы России и Польши. Актуальные проблемы развития и сотрудничества*, Санкт-Петербург 1997, с. 184.

⁷ В.А. Дьяков, *Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице (1794–1798)*, „Славяноведение” 1993, № 5, с. 67–75.

в российском плену оказалось свыше 5000 поляков»⁸. Но в Сибирь попала лишь незначительная их часть.

Именной указ «О наказании участвовавших в Польском мятеже», данный генерал-прокурору 20 июня 1795 г., огласил решение о судьбе нескольких десятков поляков. Из них 15 человек, нарушивших присягу и лично участвовавших в мятеже, были приговорены к ссылке «в самые отдаленнейшие Сибирские города». Семь человек, избличенных в измене и нарушении присяги, но лично не участвовавших в бунте, велено было разослать по городам Тобольской и Иркутской губерний, Архангельского наместничества и Устюжской области⁹. Отдельно в указе фигурировал шляхтич Иосиф Тераевич, за убийство российского драгуна он был приговорен к лишению шляхетства и вечной каторге. Таким образом, в Сибирь по указу от 20 июня 1795 г. должны были попасть более 16, но менее 23 человек. Но историки, описывая ссылку этих времен, как правило, вспоминали лишь о первых 15 жертвах. Опираясь на текст этого указа, известный русский этнограф Сергей Васильевич Максимов писал о том, что по решению Смоленской комиссии были присланы поляки, «обитатели древних российских областей, к империи возвращенных», по одному человеку – в Пелым, Якутск, Тобольск, Нерчинск, Селенгинск и Березов и девять человек – в другие отдаленные города Сибири¹⁰. Об этих же 15 поляках упоминал польский исследователь Михал Яник¹¹. Профессор Гданьского университета Францишек Новиньский указал имена 11 польских патриотов, сосланных в Сибирь в 1795 г. за участие в «Союзе хороших поляков», и некоторые подробности их жизни в изгнании. Среди них были упомянутые указом 1795 г. Тадеуш Немирич, Иосиф Куликовский, Йозефат Охоцкий, Михаил Бернацкий, Якуб Павша, Тадеуш Павша,

⁸ Г.В. Макарова, *Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России*, „Славяноведение” 1994, № 3, с. 47.

⁹ ПСЗРИ, 1-е изд., СПб. 1830, т. 23, № 17.345, с. 710–712.

¹⁰ С. В. Максимов, *Сибирь и каторга, в трех частях, издание третье*, СПб. 1900, с. 327.

¹¹ М. Janik, *Dzieje Polaków na Syberii*, Kraków, Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej 1928, seria: Biblioteka Zesłańca, Warszawa–Wrocław 1991, s. 71–72.

Иван Оскирка и Андрей Дубравский; а также не фигурировавшие в тексте указа Левандовский и Непомуцен Охоцкий и любецкий староста Юзеф Богуш, хотя по указу 1795 г. его предполагали сослать в одну из губерний Европейской России. Супругу Богуша, добровольно его сопровождавшую, Ф. Новинский считает первой полькой, побывавшей Сибири¹².

В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Особенной канцелярии министерства внутренних дел мы обнаружили документы, позволяющие уточнить географию распределения поляков, сосланных по решению Смоленской комиссии. Документы – «четыре тетради», высланные государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым 9 января 1811 г. в министерство полиции, содержали следующие сведения: 1) показания особ, участвовавших в польском мятеже в 1793 и 1794 гг., а также лиц, выступивших против России на Гродненском сейме 1793 г. после разгрома Тарговицкой конфедерации; 2) показания главнейших особ, участвовавших в последнем польском мятеже, составленные в 1794 г.; 3) список полякам, как в Санкт-Петербурге, так и по другим местностям содержащимся и в ссылку разосланным, с указанием вины, составленный в 1795 г. (по Смоленской Комиссии); и 4) показания особ, участвовавших в заговоре бунтовщика Дениско в 1797 г.¹³

Мы остановимся на списке, представленном в третьей тетради¹⁴. Документ был составлен коллежским советником Александром Макаровым 9 декабря 1795 г. Согласно списку, в различные местности Российской империи было выслано более пяти тысяч человек. Т. Костюшко и еще шестеро руководителей восстания содержались в различных домах Санкт-Петербурга, четыре человека - в Нижегородской крепости и 42 человека – в различных местностях Европейской России: по одному человеку – в Тверском наместничестве и Вознесенской губернии, по два человека

¹² F. Nowiński, *Polacy na Syberii Wschodniej, zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym*, Gdańskie Towarzystwo Naukowe. Wydział Nauk Społecznych i Humanistycznych, Gdańsk 1995, s. 41–42.

¹³ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 490.

¹⁴ Ibidem, л. 46–55 об.

– в Вятской губернии, Вологодском и Новгородско-Северском наместничествах; по три человека – в Астраханской и Казанской губерниях, по пять человек – в Орловской, Рязанской, Тамбовской и Симбирской губерниях, восемь человек – в Костромском наместничестве.

Поляки, находившиеся в статусе польских военнопленных, были отправлены рядовыми в следующие наместничества: Владимирское – 140 человек, Нижегородское – 70, Тамбовское – 143, Воронежское – 143, Тверское и Новгородское наместничества – 140. В гарнизоны Оренбургского департамента было отправлено 1548 человек, в Роченсальме находились 148 пленных. Польские офицеры в качестве чиновников пребывали в трех губерниях: Казанской – 45 человек (1 генерал-майор и 44 обер-офицера), Новгородской – 4 обер-офицера и Смоленской – 13 обер-офицеров. Сверх того, генерал фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский распределил по Курскому, Новгородскому, Харьковскому и Орловскому наместничествам, а так же в полевые войска своей команды небольшими частями до 2000 человек. И без определения в его ведомстве в новоприсоединенных губерниях значились до 300 человек.

Согласно указанному документу в Сибири оказалось 18 человек, из них 13 человек были высланы в отдаленные населенные пункты Иркутской губернии. В Якутию отправились житомирской регент Михаил Бернацкий (г. Оленск), полный литовский стражник Иван Оскирка (г. Жиганск) и Андрей Дубравский (г. Зашиверск). Историкам более-менее известна их жизни в Сибири. И. Оскирка был весьма состоятельным человеком. Под Киевом у него было конфисковано имущество на сумму до 8 млн. рублей¹⁵. В Сибирь он привез 12 кафтанов, 4 подушки, большое количество белья и серебряных вещей, 250 голландских червонцев и 122 серебрянных рубля¹⁶, но, несмотря на финансовое благополучие, умер¹⁷. Ссылные М. Бернацкий и А. Дубравский вернулись на родину. Наибольшее количество информации сохранилось о

¹⁵ М. Janik, *op. cit.*, s. 78.

¹⁶ А. Баркоўскі, *Указ. соч.*

¹⁷ F. Nowiński, *Polacy na Syberii Wschodniej...*, *op. cit.*, s. 41.

А. Дубравском. Он привез в Сибирь солидный запас имущества, что позволило обустроить быт. Несмотря на свой преклонный возраст (более 70 лет), ходил на охоту и торговал шкурами¹⁸.

В Забайкальский край выехали капитан-исправник Ян Охоцкий (г. Нерчинск), ксендз доминиканского монастыря Леопольд Булгак (г. Баргузин), шляхтич Матвей Родевич (г. Сретинск) и отставной поручик голландской службы Яков Павша, сосланный в г. Селенгинск и умерший там. Где-то в этом районе отбывал каторгу уже упомянутый нами шляхтич Иосиф Тераевич, амнистия застала его в Иркутской губернии на казенной суконной фабрике¹⁹.

В самых восточных районах Российской империи оказались пять человек. Недалеко от побережья Охотского моря отбывали наказание подполковник польской службы Фадей Городенской (г. Гижигинск) и шляхтич Иосиф Алаймович (г. Акланск). Поручик пинской бригады Юзеф Копец и подполковник польской службы Ян Зенкович были высланы на Камчатку, первый – в г. Нижнекамчатск, а второй – в Тигильскую крепость; а шляхтич Томаш Вишомирский – на Сахалин (г. Поронайск). Наибольшую известность из этой группы ссыльных получил Юзефа Копец, автор обширных воспоминаний. Но другие ссыльные встречаются на страницах воспоминаний крайне редко. Приведем лишь один пример: по дороге в ссылку Ю. Копец попал на бал к коменданту г. Якутска, где встретился с поляками И. Оскирко, А. Дубравским, Ф. Городенским и Я. Зенковичем:

На этом балу можно было в течение всего времени [развлекаться] от души, но разговаривать нужно было с большой осторожностью. Жена Коменданта, родом Шведка, вежливая в своем обхождении, делала все для оживления общества. Были там танцы, но никто из наших Поляков, кроме Зенковича, не танцевал. Было достаточно много женщин, жен чиновников и родственниц, довольно любезных. Зенкович, забыв положение, в котором пребывал, ухаживая за Комендантшей, может быть, слишком, не понравился мужу; это

¹⁸ *Polski słownik biograficzny*, t. 5, Kraków 1939–1946, s. 437–438; А. Баркоўскі, *Указ. соч.*

¹⁹ Г. В. Макарова, *Указ. соч.*, с. 50.

обстоятельство стало причиной, что ему поздней не только у коменданта, но и в иных местах запретили бывать²⁰.

В Тобольской губернии оказались пятеро костюшковцев. Аббат овручского монастыря Йозефат Охоцкий был сослан в г. Туринск, коростышевский каноник Иосиф Куликовский – в Тобольск, Игнатий Дзялинский, шеф полку сего имени – в Березов, настоятель доминиканского монастыря Томаш Силич – в Ялуторовск, а католический ксендз Базиль Салманович – в Сургут. Й. Охоцкий оставил описание своего пребывания в ссылке²¹. Его воспоминания опирались на записи, сделанные в Сибири, но свою конечную форму обрели после возвращения Охоцкого на Волынь. Это, по мнению З. Вуйцика, стало причиной того, что автор зафиксировал «скорее милые впечатления, даже с пребывания в тюрьме в Смоленске, не говоря уже о Туринске, Перми, Екатеринбурге, а также Тюмени и Тобольске»²².

О другом ссыльном И. Дзялинском незначительные воспоминания сохранила его дочь, успевшая увидеть отца после его возвращения из ссылки. По ее сведениям, Дзялинский в Сибири занимался лечением больных, собирал травы, был любим и уважаем местным населением. Из Сибири он привез много одежды из звериных шкур, драгоценные камни и произведения народных ремесел²³. С ним приехала немолодая самоедка, которая «в изгнании ухаживала за ним и так привязалась, что не хотела остаться в стране»²⁴. Последний факт подтверждают архивные документы. Дзялинский, получив разрешение вернуться на родину, ходатайствовал об освобождении содержащейся в городе Березове «женке Евдокии Морозовой, которая в бытность его

²⁰ *Dziennik Józefa Kopcia brygadiera wojsk polskich, z rękopisu opracowali i wydali A. Kuczyński i Z. Wójcik. Warszawa–Wrocław 1995, s. 97.*

²¹ J.D. Ochocki, *Pamiętnik*, wydanie J.I. Kraszewskiego, t. 1–4, Wilno 1857.

²² Z.J. Wójcik, *op. cit.*, s. 39.

²³ H. z Działyńskich Błędowska, *Pamiętka przeszłości. Wspomnienia z lat 1794–1832*, opr. K. Kostenicz i Z. Makowiecka, Warszawa 1960, s. 20–21.

²⁴ *Ibidem*, s. 20.

там оказала ему разные услуги и имела о нем попечение»²⁵. Павел I снисходительно отреагировал на его просьбу и велел освободить и женщину.

Представленный нами документ подтверждает данные Г. В. Макаровой об общем количестве поляков, сосланных по решению Смоленской комиссии (более 5000 человек), дополняет наши сведения о месте ссылки и формулировке обвинительного приговора некоторых ссылных, но в ряде пунктов расходится с данными указа «О наказании участвовавших в Польском мятеже». Например, в указе местом ссылки Й. Охоцкого был обозначен г. Пелым, а реально он был сослан в г. Туринск, что и было зафиксировано в анализируемом нами документе. При этом разница во времени создания документов всего полгода. Но и на данные более позднего документа – Списка, составленного советником А. Макаровым, – нельзя полностью полагаться. Возможно, часть ссылных, представленных в нем, не доехала до места изгнания, вследствие изменения приговоров или скорой амнистии. Например, в Государственном архиве Оренбургской области мы не нашли ни одного упоминания о прибытии 1548 костюшковцев, назначенных Смоленской комиссией в гарнизоны Оренбургского департамента.

Следующая группа документов, которую мы бы хотели представить, сохранилась только благодаря вмешательству властей. Генерал-губернатор Западной Сибири в 1825 г. предписал Туринскому и Березовскому земским исправникам рассмотреть описи делам, хранящимся в архивах окружных мест, о сосланных в разное время в Сибирь магнатах и российских чинов, каковыми были князья Меншиков, Долгоруков, Миних и прочие. Со всех найденных о них документов надлежало сделать точные копии и доставить генерал-губернатору²⁶. Интерес властей, видимо, спровоцировала реализация амнистии участникам наполеоновских походов: именно на 1824–1825 гг. приходятся очередные проверки и учет оставшихся за Уралом пленных.

Выполнить поручение генерал-губернатора оказалось не просто. Туринский земский исправник рапортовал, что все его

²⁵ Г. В. Макарова, *Указ. соч.*, с. 49.

²⁶ ГИАОО, ф. 3, оп. 12, д. 17530, л. 1–1 об.

старания по поиску документов были безуспешны, потому что общий архив в совершенном беспорядке. Не только нет делам описей, но бумаги разбиты, разбросаны и лежат в больших кучах, а частью сгнили²⁷. Но, несмотря на скверное состояние местных архивов, несколько документов было обнаружено. Среди них два касались польских ссыльных последнего десятилетия XVIII в.

Первый документ – список с секретного предписания правящего должностного пермского и тобольского генерал-губернатора березовскому городничему от 17 августа 1795 г. В документе сказано, что в Березов на житье отправляется Игнатий Дзялинский. Генерал-губернатор наказывал «употреблять в смотре за ним всякую осторожность и бдение, и о состоянии здоровья и поведении его рапортовать чрез каждые две недели»²⁸. Если во время пребывания в Березове Дзялинский стал бы писать письма, то оные предписывалось присылать генерал-губернатору, также следовало поступать с письмами, приходившими на адрес ссыльного. Суточное содержание Дзялинскому было назначено в размере 1 руб. 32 коп.

Этот документ, кроме того, что иллюстрирует пребывание в Березове одного из костюшковцев, позволяет сделать несколько наблюдений о практике надзора за ссыльными. Видимо, нормы контроля разнились в зависимости от места ссылки и возможностей властей. Так, например, в Зашиверске городничий должен был доносить о здоровье и поведении ссыльного А. Дубравского в два раза реже: раз в месяц²⁹. Дифференцированный подход присутствовал и в деле назначения пособия. Исследователи зафиксировали, что суточное пособие у заключенных было различным, но не понятно, какими соображениями руководствовалось начальство при определении той или иной суммы, но не строго социальной принадлежностью³⁰.

²⁷ Ibidem, л. 2 об.

²⁸ Ibidem, л. 12.

²⁹ А. Баркоўскі, *Указ. соч.*

³⁰ Ibidem.

Второй документ, обнаруженный окружным исправником, представлял собою секретный ордер березовскому городничему от 10 марта 1798 г. В нем говорилось, что генерал-прокурор князь Алексей Борисович Куракин известил сибирского генерал-губернатора об именном императорском указе от 12 февраля 1798 г., в котором говорилось следующее:

Оказавшихся в Важном Государственном преступлении поляков, Феликса Верминского, Леона Скоморовского, Виктора Урбановского, Ксаверия Мрожика, Людвига Еновского, Яна Линкевича, Марцелла Пшиловского, Игнатия Баргеленаго и Симона Соколовского отправить на житье в Сибирь, производя, как им, так и прежде посланному ксендзу Вазинскому по двадцати копеек в день³¹.

Далее говорилось о том, что при этом повелении к сибирскому генерал-губернатору были присланы Верминской, Скоморовской, Урбановской и Мрожик, с приложением регистра имеющегося у них имущества. Препровождая вместе с ордером к березовскому городничему Виктора Урбановского, генерал-губернатор рекомендовал оставить ссыльного на житье в городе Березове, иметь за поведением его «надлежащий присмотр» и ежемесячно доносить о нем, вместе с прочими ссыльными, через генерал-прокурора. Кормовые в размере 20 коп. в день производить, начиная с 10 августа.

В этом документе речь идет о членах конспиративных организаций, созданных на территории Западного края после третьего раздела Польши. В результате арестов, произведенных властями, многие из них оказались в заключении или ссылке. Имена поляков, обозначенных в ордере, мы встречаем также в книге М. Яника. Польский ученый полагал, что они вместе с Михаилом Длуским и Яном Нартовским участвовали в тайных организациях, созданных на Волыни.

Более полный список поляков, сосланных в конце девяностых годов XVIII в., приведен в тексте именного указа от 15 марта 1801 г., данного Сенату, «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся в Тайной Экспедиции с присовокупле-

³¹ ГИАОО, ф. 3, оп. 12, д. 17530, л. 15.

нием 4-х списков оных»³². По этому указу разрешение вернуться на родину получили 156 человек, из которых 56 отбывали наказание в Сибири.

По первому списку проходило 28 лиц, лишенных чинов и дворянского достоинства. Среди них веленский приор Фаустин Цецерский и упомянутые в его воспоминаниях настоятель монастыря Аурелиан Домбровский, ксендз бенедиктинского монастыря Вацлав Зюлковский, подпоручик польских войск Станислав Цецерский, сын польского генерал-поручика Станислав Юдицкий³³. Все они были арестованы в 1797 г. за участие в виленской конспиративной организации и сосланы на каторгу в Нерчинск. Здесь же объявлялось о прощении дерптского пастора Фридриха Самуила Зейдера, печальная история которого получила широкую известность в России³⁴.

В первый список вошли также виленский палестрант Грабовский, шляхтичи Поздырской (Пажджерский) и Кондратович, отбывавшие наказание в Тобольской губернии. В 1799 г. Ю. Копец, возвращаясь из ссылки, встретился с ними в Тобольске. Они пришли к нему на квартиру, пользуясь позволением губернатора везде бывать, при условии возвращения на ночь на свои места. «Прием этих благородных людей был для меня очень приятен и оживил меня», – вспоминал Ю. Копец³⁵. Прощение также получили сосланные в Тобольскую губернию шляхтич Йозеф Черновский и двое Сестревитовских – бывший регент кобринского земского суда и того же суда писарь.

³² ПСЗРИ, 1-е изд., СПб. 1830, т. 26, № 19.784, с. 584–588.

³³ F. Ciecierski, *Znaczniejszych przypadków pewnego z Syberii powrotu Polaka w 1801 roku, z najobszerniejszej kopii rękopiśmiennej do dr. przyg. A. Kuczyński, Z.J. Wójcik, Stowarzyszenie „Wspólnota Polska“, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa 1998.*

³⁴ Зейдер имел обширную библиотеку немецких изданий и поместил в «Дерптских Ведомостях» объявление с просьбой возратить взятые у него книги. Это послужило поводом к обвинению пастора в хранении запрещенных книг. Он был приговорен к телесному наказанию и каторге. См. подробнее: *Обвинение и ссылка пастора Зейдера*, „Русская старина” 1878, март, с. 463–490; *Страдания пастора Зейдера*, „Русская старина” 1878, май, с. 117–166.

³⁵ *Dziennik Józefa Korcia...*, op. cit., s. 213.

Во второй список вошли 64 чиновника, не лишённые чинов и достоинства. Из них в Иркутской губернии отбывали наказание польский шляхтич Длуский, уже побывавший в ссылке в Казани за участие в барской конфедерации, отставной капитан Сумороцкой с женой, поручик Лохвитской и трое ссыльных не польского происхождения³⁶. Среди сосланных в Тобольскую губернию свободу получили поляки, фигурировавшие в представленном выше ордере генерал-губернатора. Мы перечислим их еще раз, поскольку в императорском указе правописание их фамилий существенно отличается: ловчий Скамаровский, шляхтич Урбановский, писарь села Смолевы Вербинский, «бывший табашной администрации генеральной ревизор» Морожек, житель Луцкого повета Соколовской, домовый секретарь князя Любомирского Пигловской, бывший земский комиссар Линкевич, Юдовской, полковник Больвиер (г. Тобольск). Также прощение получили шляхтич Подольской губернии Стрелецкой (г. Березов), поручик бывших польских войск Каминской и еще семь человек, не имевших польского происхождения³⁷.

В третьем списке фигурировали лица, сосланные в разные места на поселение и в работу, а также лица, не имеющие чинов. Таковых было 41 человек, из них в Сибири отбывали наказание только 18 ссыльных. Поляков среди них не было³⁸. В четвертом списке ссыльным, «живущим под ведомством Тайной Экспедиции в городах и деревнях под присмотром», сибирских пленников вовсе не значилось. Таким образом, по амнистии 1801 г. было освобождено из Сибири 56 человек, из которых 27 были поляка-

³⁶ Прапорщик Шапочкин, корнет Долбия, есаул Клементьев.

³⁷ Придворный комиссар Метлов с женой (г. Березов), штабс-капитан Иванов (Петропавловская крепость), доктор Грунд (г. Омск), штабс-капитан Подпрятков, подпоручик Гетт, отставной прапорщик Ражков (г. Нарым).

³⁸ Сосланные в Иркутскую губернию: бывший рядовой Малахов, французы Кернер и Ренно, малороссиянин Зеленский, иностранец Бренк; в Нерчинске – французы Перен и Мертен, отставной солдат Панченко, крестьянин Позняков, крестьянин помещика Нодоржинского Винпиченко; сосланные в Тобольскую губернию: бывшие священники Василий Григорьев, Матвей Никифоров и Данилов, бывший диакон Коровицкий, француз Бельроз (г. Томск), иностранные купцы, бывшие в Москве, Уманьян, Беккер и Монтаний.

ми. Однако в текст амнистии могли не попасть ссыльные, умершие в Сибири или бежавшие из мест ссылки.

Еще один интересный документ о жизни ссыльных конца XVIII в. был обнаружен в Государственном архиве Тюменской области. Именной список о находящихся в г. Тюмени польских пленнх, состоящих в службе, с указанием, откуда и за что на житье были присланы, был составлен 16 августа 1802 г.³⁹ Двое поляков, указанных в списке, попали в Сибирь в девяностые годы XVIII в.:

1. Рядовой тюменской штатной команды Яков Иванов сын Зенкович, из польских военнопленных, состоял в службе с 1 декабря 1794 г.

2. Сторож тюменского уездного казначейства Юзев Демикин сын Пашкевич, из польских пленнх Гуляцкогo села из шляхтичей, состоял в службе с 11 мая 1797 г.

По указу тобольского губернского правления в 1803 г. они были выключены из службы и с данными из губернского правления паспортами отпущены в свое отечество⁴⁰. Возможно, Яков Зенкович не кто иной, как бывший подполковник польской службы Ян Зенкович, высланный на Камчатку по решению Смоленской комиссии. Можно допустить, что, либо делопроизводитель допустил ошибку в правописании имени, либо Ян перебрался в Тюмень и, приняв православие, изменил имя. Но это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что все обнаруженные нами документы были вложены в дела значительно более позднего происхождения. Их появление было связано с проведением амнистий и желанием властей провести ревизию находящимся в Сибири ссыльным, как это было в 1802 и 1825 гг.; или же с ухудшением международной обстановки, как это было в 1811 г., накануне военного конфликта с Францией и очередного обострения польского вопроса. А значит в поисках новых архивных документов о ссылке поляков

³⁹ ГБУТО ГАТО, ф. Из, оп. 1, д. 1164, л. 6.

⁴⁰ Ibidem, л. 18 об.

в конце XVIII в. можно существенно расширить временные рамки.

Введенные в научный оборот архивные документы, в совокупности с законодательно-правовыми документами Российской империи подтверждают ссылку в Сибирь в последнем десятилетии XVIII в. 45 поляков: 18 человек – по решению Смоленской комиссии и 27 человек – за участие в патриотических организациях, созданных после третьего раздела Польши. Кроме того, опираясь только на мемуарные свидетельства, мы можем говорить о ссылке в Сибирь еще пяти поляков: Левандовского, Непомуцена Охоцкого, Юзефа Богуша с супругой и Яна Нартовского. В результате общий объем польской ссылки в Сибирь в последнем десятилетии XVIII в. увеличивается до полусотни. Изучение судеб этих ссыльных, а также выявление других связано с дальнейшим поиском источников в сибирских архивах.

Светлана Мулина

Библиография

Баркоўскі А., *Восстание 1794 года или Инсurreкция Костюшки и Якутия*, Койданова 2013, [Электронный ресурс] – URL : <http://acaraj-kut.blogspot.ru/2013/12/1794-2013.html?m=0> [dostęp: 2.12.2016].

Włodowska z Działyńskich H., *Pamiętka przeszłości. Wspomnienia z lat 1794–1832*, opr. K. Kostenicz i Z. Makowiecka, Warszawa 1960.

Ciecierski F., *Znaczniejszych przypadków pewnego z Syberii powrotnego Polaka w 1801 roku*, z najobszerniejszej kopii rękopiśmiennej do dr. przyg. A. Kuczyński, Z.J. Wójcik, Stowarzyszenie „Wspólnota Polska“, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa 1998.

Дьяков В.А., *Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице (1794–1798)*, „Славяноведение” 1993, № 5, с. 67–75.

Dziennik Józefa Kopcia brygadiera wojsk polskich, z rękopisu opracowali i wydali A. Kuczyński i Z. Wójcik; z Prac Ośrodka Badań Wschodnich Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995; Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, Stowarzyszenie „Wspólnota Polska“, Warszawa–Wrocław 1995.

ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. 1165, оп. 1, д. 490.

ГБУТО ГАТО (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области „Государственный архив Тюменской области”), ф. И3, оп. 1, д. 1164.

ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области), ф. 3, оп. 12, д. 17530.

ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи), 1-е изд., СПб., 1830, т. 23, № 17.345, с. 710–712.

Janik M., *Dzieje Polaków na Syberii*, Kraków, Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej, 1928, seria: Biblioteka Zesłańca, Warszawa–Wrocław 1991.

Макарова Г. В., *Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России*, „Славяноведение” 1994, № 3, с. 43–50.

Максимов С. В., *Сибирь и каторга, в трех частях, издание третье*, СПб. 1900.

Michajlenko W.W., *Powstanie T. Kościuszki: archiwalne dokumenty Smoleńskiego śledztwa (1794–795)*, [w:] *Архивы России и Польши. Актуальные проблемы развития и сотрудничества*, Санкт-Петербург 1997, с. 184–189.

Nowiński F., *Polacy na Syberii Wschodniej, zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym*, Gdańskie Towarzystwo Naukowe. Wydział I Nauk Społecznych i Humanistycznych, GTW Wydaw. Gdańskie, Gdańsk 1995.

Nowiński F., *Syberia w życiu Polaków od XVII do początków XX wieku*, wydanie z okazji czterdziestolecia pracy naukowej. Wybór studiów i redakcja Z. Opacki, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2016.

Ochocki J.D., *Pamiętnik*, wydanie J.I. Kraszewskiego, t. 1–4, Wilno 1857.

Pietrkiewicz I., *Rękopiśmienna spuścizna Faustyna Ciecierskiego jako źródło do dziejów kultury intelektualnej dominikanów prowincji litewskiej początku XIX wieku*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia ad Bibliothecarum Scientiam Pertinentia” XI (2013), s. 103–123.

Polski słownik biograficzny, t. 5, Kraków 1939–1946, s. 437–438.

ПСЗРИ, 1-е изд., СПб., 1830, т. 26, № 19.784, с. 584–588.

Wójcik Z.J., *Rosja i Rosjanie w relacjach zesłańców kościuszkowskich*, [w:] *Polacy a Rosjanie. Materiały z konferencji „Polska–Rosja. Rola polskich powstań narodowych w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń”*, pod red. naukową T. Epszteina, Instytut Historii PAN, Warszawa 2000, s. 37–47.

The Geography of Polish Deportation to Siberia in the 1890s

Keywords

The Kosciuszko Uprising, the deportation, the history of Siberia

Summary

On the basis of archival material and legislative acts, the author systematizes the data on the geography of Polish transportations to Siberia in the last decade of the 18th century. The sources about the Kosciuszko insurgents were preserved in the form of copies of clerical documents, duplicated in later times more often than the originals. The analyzed sources were drafted on the recommendation of the Russian authorities, who after the publication of the amnesty decree began to verify the exiles in Siberia. Another factor influencing the appearance of these documents could be the complexity of international relations at that time and subsequent tensions on the Polish issue.

Die Geografie der Verbannung der Polen nach Sibirien in den 90. Jahren der 18. Jahrhundert

Schlüsselwörter

der Kosciuszko-Aufstand, die Verbannung, die Geschichte der Sibirien

Zusammenfassung

Auf der Grundlage von den Archivmaterialien und Gesetzgebungsakten systematisiert die Autorin die Daten über die Geografie der Verbannungen der Polen nach Sibirien in der letzten Dekade der 18. Jahrhunderts. Die Quellen betreffend der Kosciuszko-Aufständischen überdauerten in Form der Kopien der Kanzleidokumenten, die in kommenden Jahren öfter als die Originale kopiert wurden. Die analysierten Quellen wurden auf Empfehlung der russischen Behörden errichtet, die nach der Veröffentlichung des Amnestiedekrets die Verifikation der sibirischen Verbannten begannen. Der andere Faktor, der auf Erscheinung dieser Dokumente einen Einfluss hat, betrafen den damals immer mehr komplizierten internationalen Beziehungen und aus diesem Grund folgende Anspannungen in puncto des Polens.

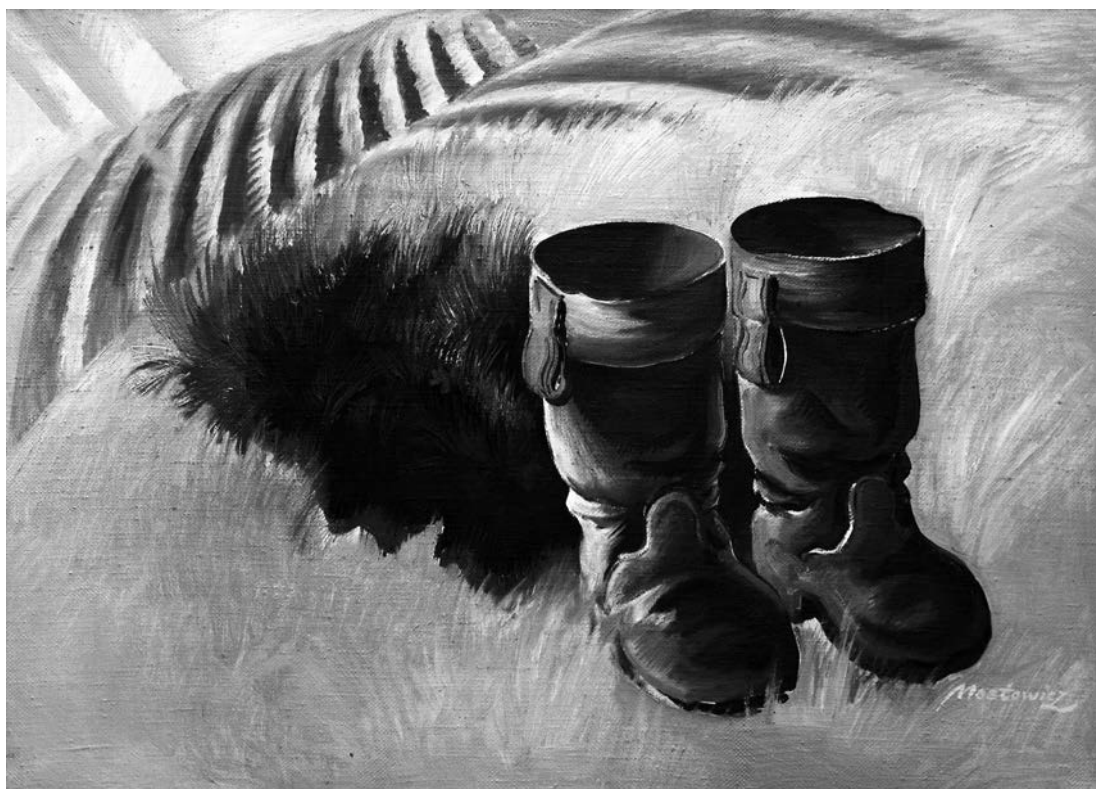
География польской ссылки в Сибири в девяностые годы XVIII века

Ключевые слова

Восстание Костюшко, ссылка, история Сибири

Краткое содержание

На основании архивных материалов, а также законодательных документов автор систематизирует информацию на тему географии ссылок поляков на Сибирь в последнем десятилетии XVIII века. Источники, касающиеся участников восстания Костюшки чаще, чем оригиналы сохранились в виде копии канцелярских документов сделанных позже. Анализируемые источники были созданы согласно решению российских властей, которые после провозглашения декрета об амнистии начали проводить проверку ссыльных, находящихся в Сибири. Другим фактором, влияющим на появление этих документов могли быть появившиеся в то время осложнения в международных отношениях и возникающие из этого очередные моменты напряжения касающиеся польского вопроса.

Feliks Mostowicz, *Buty ojca*, Kazachstan 1984, 54x72,7 cm,
olej, płótno, MN M.518